

ХРАМ

Протоиерей Михаил Ходанов

ЗНАМЕНСКИЙ СТОРОЖ

*Воспоминания автора о периоде своего воцерковления
в качестве приходского сторожа (1988 год)*

Московский храм Знамения Божией Матери на Рижском вокзале находился во втором Крестовском переулке. При Советской власти он никогда не закрывался и был намоленной святыней. В народе его называли ещё храм Трифона-мученика — из-за находившейся в нём чудотворной иконы с частичками мощей этого древнего и весьма почитаемого всем православным миром святого. Мой духовник, известный московский протоиерей Владимир Ригин, крестивший меня в 1982 году, благословил меня уйти с мирской работы и устроиться сторожем именно в этот храм, где он раньше когда-то служил. Там я должен был воцерковиться, набраться опыта и только после этого подавать прошение о поступлении в семинарию. Батюшка направил меня к некоему Володе, старшему сторожу, моему будущему начальнику. Я нашёл его без особого труда. Володя был

невысокого роста, с прихрамывающей походкой, в рабочей спецовке. Меня он встретил благожелательно.

— Я поговорю со старостой, а вы подойдите чуть позже.

Через три дня мне был дан положительный ответ. Я ушёл с прежней работы, оформил трудовой договор с приходским советом храма — и вот меня наконец взяли в сторожа. Сказать честно, после заграничных командировок и «непыльной», а по многим меркам и престижной работы референтом-переводчиком арабского языка в Международном отделе ЦК КПСС (а я ушёл именно оттуда, заявив в отделе кадров, что переезжаю в другой город) я оказался у входных дверей притвора. Отныне я был должен закрывать храм после окончания службы, следить за поведением исповедников, вовремя гасить и зажигать лампы, вынимать свечки из подсвечников и класть их в ящики (их время от времени уносили в переработку).

ХРАМ

Для водосвятных молебнов (а они были постоянно) мне нужно было приносить заранее воду.

К новой обстановке я, как ни странно, привык довольно быстро и с большой охотой выполнял все новые поручения.

Бомж Роман

По окончании вечерней службы, когда уходил последний исповедник, я, сторож Михаил, закрывал за ним дверь на огромный засов. Делал все положенные дела, проверял, всё ли потушено. Потом вновь открывал входную дверь, обходил храм, заглядывал в пристройки и в туалет. Там могли прятаться бомжи. Одного из них звали Роман. Его мы, даже если и находили, оставляли из жалости ночевать в тёплом туалете. На приходе он имел свои неписанные привилегии, так как был старожилом храма, прибывшись к нему более десяти лет назад. Когда-то у него была квартира в Мытищах, но Роман страдал манией преследования и предпочитал на квартире не появляться. Не исключено, что кто-то там его и припугнул. Сказал: съезжай, мол, с квартиры, не то придушим! Так или иначе жить в Мытищах он панически боялся. Потом вообще перестал появляться по месту прописки, стал скитаться по электричкам, ночевать на вокзалах, морально опустился. Квартиру у него, скорее всего, отобрали. Потом он каким-то образом

«запал» на Знаменский храм. Там его из сердоболия стали подкармливать старушки-монахини. Больше всего на свете он боялся милиции. Видимо, ему там когда-то здорово наподдали. Приходское начальство его терпело и практически никогда не выгоняло.

Правда, работать Рома не любил и всячески избегал каких-то физических послушаний, чем неизменно раздражал помощника старосты Сергея Ивановича, невысокого человека с седой окладистой бородой и в чёрном чегеваровском берете. Но и он ничего не мог с ним поделывать.

Канунный столик

Итак, впустив в очередной раз Романа, терпеливо ожидавшего у входа и приветственно махавшего рукой, на территорию храма, я навешивал на калитку тяжёлый замок и провожал бомжа на кухню. Ели мы с ним в подвальном помещении. Там находилась кухня с низким потолком, длинный стол со скамейками и большая икона на стене, перед которой нами совершалась молитва перед вкушением трапезы. В шкафах прятались остатки подношений на канун. Заказывая панихиды, прихожане несли на поминальный столик разную снедь — от печенья и конфет до сала и колбас, хотя мясо носить в храм формально воспрещалось. По окончании службы при-

служницы забирали всё съестное и распределяли содержимое в несколько корзин. Самая хорошая, с дефицитными продуктами, относилась настоятелю и батюшкам. Остальное шло членам приходского совета, потом в просфорную и на кухню. Сторожа разбирали остатки — кульки с карамелью и печеньем — и уносили домой. Остатки — сладки. Моя мать всякий раз очень радовалась моей добыче.

Кстати, традиция приносить продукты питания на канунный столик возникла как результат борьбы Церкви со славянским язычеством. В древности культ мёртвых предписывал кормить их души прямо на местах захоронений. Туда приносились мясо и прочие продукты. Считалось, что души умерших всё это едят, насыщаются и становятся сильными. Для чего это было нужно? Да просто их просили о чём-то, молились на их могилах. А как выполнить просьбу, если у души нет соответствующих сил? Вот и подпитывали души отборной снедью, а продукты рассматривали как умиловительную жертву.

Этот языческий обычай можно наблюдать и сегодня на праздник Святой Пасхи, когда тысячи людей приходят на могилы умерших и оставляют там куличи, яйца и прочие продукты. Всё это портится, протухает, воруется бомжами, поедается кладбищенскими собаками и склёвывается птицами. По-

хожий случай произошёл позже и в моей священнической практике. Моя соседка-украинка, которая занималась знахарством и с помощью каких-то доморожденных молитв («За семью морями, на острове Буяне...») «заговаривала рожу», похоронила мать. На третий день встречаю на улице соседку, а она горько плачет. Оказывается, забыла с утра пойти на кладбище и «покормить маму завтраком». Теперь Бог на неё обязательно прогневается.

Церковь до определённой степени облагородила все эти дикие практики. Поминальный столик обеспечил отток продуктов с могил в храм. Ну а распределение приносимого на канун между батюшками и работниками храма имело веское основание ещё в ветхозаветных традициях. В храме Соломона было принято делить части принесённых в жертву животных между первосвященниками и левитами, чтобы они, посвящённые Богу, жили и питались за счёт верующих. То же и наши батюшки. Берут корзину, а в кульках помимо еды — поминальные записки (помолиться о такой-то...). Их было положено читать.

Алтарь

Через некоторое время настоятель храма, протоиерей Сергей Вишневский, добрый седой священник со светлыми лучистыми глазами, чем-то похожий на свя-

ХРАМ

тителя Николая-угодника, благословил меня входить в алтарь. Я тихо открывал массивную северную дверь, заходил внутрь и клал три земных поклона. Потом переходил, крестясь, в южную часть алтаря мимо запрестольного образа Спасителя и начинал медленно обходить и целовать каждую из икон, закреплённых на стенах. Помню, особое впечатление по житию на меня произвела святая мученица Анастасия Узорешительница. Когда в Древнем Риме начались гонения на христиан, Анастасия выучилась на врача и проникала в застенки, подкупая стражей, чтобы облегчать страдания заключённых братьев во Христе. Это была девушка из благородного сословия, но свои красоту и богатство вменила ни во что — и в конце концов приняла мученическую кончину. Её схватили во время очередного обхода тюрьмы, жестоко пытали и умертвили. Во время пыток она прославляла Христа.

Прекрасная юная девушка — она навсегда осталась таковой в благодарной памяти христиан. Её душа, чистая и светлая, отошла ко Господу и там обрела покой и вечность.

Я смотрел на её икону и думал о судьбах христианства. Как хорошо жить по Христовым заповедям, во всем полагаться на волю Божию, смиряться, любить всех по-братски, без грязи, не оскверняться плотью... Так жили первые христиане. И име-

ли они такую сильную радость от общения со Христом и друге другом, что по сравнению с ней, этой радостью, всё остальное — богатство, изобилие, слава, телесная красота, земная любовь и чувственные наслаждения — померкло для них и потеряло всякую прелесть.

И в глубине души так хотелось в Колизей — испытать свою веру через пытки и смерть от диких животных!... Душа стремилась пострадать за Христа и быть с Ним. Пойти по пути святого Игнатия Богоносца, одного из древних мучеников, который конвоировался к месту казни в сапогах с вбитыми внутрь подошв гвоздями... А мы мучаемся от простой занозы и прыгаем на одной ноге, требуя сочувствия от жены, детей, родителей и соседей... Как же мы стали немощные и духовно мрачные!.. На арене цирка святой Игнатий был разорван львами. На его трепещущем сердце, лежавшем на песке, запёкшейся кровью проступили слова — «Иисус Христос». За это его прозвали Богоносцем.

Я прикладывался к иконам, потом становился на колени и с благоговением целовал высокий деревянный Крест, темневший в южном приделе (в храме было три соединяющихся друг с другом алтаря). У него была своя история. Когда-то с этим Крестом жители столицы встречали нетленные мощи Митрополита московского Филиппа,

когда их перевозили из Отроча монастыря в Твери в Москву. Задуманный Малютой Скуратовым по приказу Грозного, Святитель остался для христиан исповедником правды и печальником о бедных и беспомощных людях.

Поверхность Креста была умащена ароматами, и по алтарю распространилось тонкое благоухание.

За окнами храма, убранными в решётки, наступала ночь. Горели приветливые огоньки в квартирах соседних домов, а за стеной храма доносился гул проходивших поездов. Мы с напарником Олегом ужинали, обсуждали высокие богословские предметы и пили чай со старыми пряниками. Олег был казаком, и сейчас, насколько мне известно, он — есаул. Я его как-то видел в конце девяностых на Архиепископском соборе в Свято-Даниловом монастыре в форме, с устрашающей нагайкой за голенищем сапога. Тогда же, в сторожах, он был ещё только начинающим христианином, худошавым, усатым, исполнителем и весьма бескомпромиссным.

Иногда к нам спускались служившие вечернюю службу батюшки и разделяли нашу скромную трапезу.

Блаженный

Бывал у нас в храме и другой, настоящий юродивый — Вася. Внешне он был похож на еписко-

па — высокий, почти двухметрового роста, с окладистой бородой и детскими голубыми глазами. По возрасту ему не было и тридцати лет. Во дворе храма он иногда играл в паровозики из щепок и любил разговаривать с детьми. Взрослых он избегал. Его приводила с собой мать — старушка в платке, одетая в чёрное пальто. Она носила очки с большими диоптриями, и её увеличенные глаза глядели на мир со смиренной беспомощностью. На морщинистом лице — многолетняя печать материнского страдания.

Вдвоём они подходили к иконам, осторожно прикладывались к ним, благоговейно крестились на Распятие, а потом мать шла писать записки, а Вася занимал место у любимого окна с видом на внутренний дворик с деревьями и долго смотрел туда, задумчиво качая головой.

Приезжали они откуда-то издалека и всегда задолго до открытия храма. Я открывал им входные двери и уходил по своим делам — зажигать лампадки, подливать туда масло, поправлять фитили.

Вася любил поговорить со мной на серьёзные темы.

— Ну как жизнь-то молодая? — и уже улыбался, предвкушая ответ.

— Да не такая она уж и молодая!

— Это ты верно сказал! Живи так, будто нынешний день — последний в твоей жизни!

ХРАМ

— Стараюсь!

— Вот-вот, старайся! А скажи-ка, времени сейчас сколько? — он склоняется ко мне, и на его бороде — капельки растаявшего снега.

Я смотрю на часы. Он берёт меня за руку и смеётся:

— Хорошие часы! Небось дорогие?

— Да обыкновенные часы!

— Нет, я вижу, что дорогие! Да ты и сам непростой! Поди, и машина есть?

— Нету меня никакой машины!

Как будто не слышит:

— Вот я и говорю — отвёз бы ты меня куда-нибудь по святым местам, а-а?

— Вась, у меня нет машины!

— Понимаю, понимаю. А и хорошо, что нет. А то сядешь на машину, да сразу в преисподнюю и приедешь... Знаешь, Миш, а я очень детей люблю! Чистая у них душа, не то что у нас с тобой!

— Согласен!

— Мишаньк, а ведь и мы с тобой когда-то были маленькими! И куда только всё подевалось...

Вздыхает. Потом шепчет мне на ухо:

— А знаешь, почему я так рано в храм прихожу? Люблю, когда вокруг никого нет. Ты, допустим, не в счёт. Где много людей, там уходит молитва и начинается толчея. И Бог тоже уходит... Понял?

Тут Вася начинает грустить и слёзы обильно текут по его щекам.

— Когда я сижу около своего дома на лавочке, люди меня дразнят! Подростки на смех поднимают и вокруг виска пальцем крутят! А я разве обижаю кого? Мне вот только мать жалко, мучается она со мной. Ну да Бог им судья... А тебе ночью, когда дежуришь, никто не является?

— Да вроде бесполезное это дело — видения видеть. Так Святые Отцы говорят!

— Да, дьявол хитёр — он и обличье Христа принять может. Мне умные люди про это сказывали! А есть такие дурачки, которым видения только и подавай! А потом и будешь кланяться рогатому всю жизнь! И у самого рога вырастут! Ну а покойники, когда их на ночь к вам сюда привозят, из гроба-то не выходят?

— Не выходят. Мы, Вася, им Псалтирь читаем. То я, то напарник. За ночь и прочитываем!

— Ты с ними осторожнее! А особенно старайся покойнику в глаза не смотреть! А то не ровён час, почудится тебе что-нибудь, так с ума от страха-то и сойдёшь! Да и вообще, где мертвец, там одно беспокойство. Помню, здесь в храме случай был, ещё до тебя, при Советах. Привезли как-то покойницу и на всю ночь крышку с гроба-то сняли! А сторожа спать улеглись! Так что ты думаешь? Покойнице крысы всё лицо объели, одни только глазницы остались! Родственники

утром приехали отпевать, а там ни носа, ни губ, ничего! Скандал был страшный! Но замяли... Времена-то совсем безбожные были! Властям не пожалуешься! Скажут: ах вы, такие-сякие, в церкви отпевание решили устроить? Мракобесие разводите? Так вам и надо! Так что ты Псалтирь-то прилежно читай, не спи! И гроб закрывай обязательно! На всякий случай, понял? Это тебе мой совет.

— Понял. Так и сделаю.

— Васенька, пошли, милый, домой, а то на электричку опоздаем! — мать подходит к нам и виновато улыбается:

— Совсем мой дурачок вас заговорил! А вы записочки наши в алтарь передайте, пожалуйста! Храни Вас Господь!

Путеец

Из прихожан на меня сильное впечатление произвёл Владимир — мужчина лет сорока с иссиня-чёрной окладистой бородой и грустными тёмными глазами. Два раза в неделю он приходил на вечернюю службу, вставал в притворе — и стоял, не шелохнувшись, до самого конца службы. Потом, когда все уже расходились, он прикладывался к Знаменской иконе Божией Матери и к Распятию. Долго стоял на коленях, прижимался лицом к тёмному дереву Креста и плакал. И неслышно просил о чём-то Господа, творя крестное знамение и совершая земные поклоны.

От него почему-то всегда пахло луком. Иногда мы приглашали его поужинать, но он почти всегда отказывался, ссылаясь на нехватку времени и собственное недостойство. Впоследствии выяснилось, что он работал путейцем — менял старые шпалы на новые, укладывал рельсы в Рижском направлении. Его окружали сплошная матерщина, опущенность и пьянка. Владимир страдал от алкоголизма. Он часто пил, уходил в запой, потом возвращался из скотского состояния к жизни, каялся и вновь спешил в храм. А чтобы от него не пахло водкой, заедал её, оказывается, луком. Оттого — и запах, который сразу привлекал к себе внимание.

Вскоре он продал всё, что у него было в квартире, пропил всю мебель и жил впроголодь. Впоследствии следы его потерялись. Несмотря на всё своё покаянное состояние, он так и не смог избавиться от своего страшного порока и, говорят, умер чуть ли не под забором.

Но я навсегда запомнил, каким возвышенным был Владимир во время молитвы, как сокрушался и каялся вечерами после всенощной, наедине с Богом. Глаза путейца смотрели на мир с библейской глубиной, и всякий случайный человек мог бы сказать, что перед ним — подвижник веры и благочестия, без пяти минут святой человек.

Я верю, что ты есть!

Алтарь ярко освещён. Идёт все-нощное бдение. У стены в нише стоят два диакона. На всех — желтые облачения. Трещат свечи по бокам запрестольного образа. Образ написан по стеклу, внутри — электрические лампы. От этого изображение Христа сияет, и сквозь зрачки Его очей тоже пробивается свет.

Отец-настоятель раскрыл на престоле Евангелие в красном переплёте и ищет нужное воскресное зачало. Скоро начнётся полиелей. Сквозь Царские врата видны лица прихожан.

Люди стоят неподвижно и изредка крестятся. Исключение составляет бывшая балерина — пожилая прихожанка, которая часто кладёт поясные поклоны, смотрит вверх, беззвучно улыбается и на её лице — слёзное умиление.

Мальчики — дети прихожан — готовят свечи. Пономарь заправляет кадило. Справа и слева от престола — дорогие пёстрые ковры. Окна алтаря занавешены шторами, чтобы любопытные прохожие с улицы не глазели сквозь стёкла на богослужение.

В ризнице, сверкая окладами, висят отреставрированные иконы. Чопорный по поведению прихожанин Георгий, получивший благословение помогать в алтаре, режет освящённые ли-тийные хлеба на аккуратные маленькие кусочки и полива-

ет их вином, чтобы раздавать всем верующим после чтения Евангелия на полиелее. Прихожанин одет в чёрную водолазку и тёмные брюки, весь его вид чем-то напоминает католического пастора. Он об этом знает и любит одевать под водолазку белую рубашку с круглым стоячим воротничком. Георгий хорошо разбирается в службе и со знанием дела рассказывает страшные истории про последние времена:

— Слушай, брат, придёт время, когда в Сибири вновь лагеря будут строить, а христиан — переписывать. Многие тогда по этапу пойдут. И будут всех мучить. Специальные приспособления придумают, психотропные средства разные. Мучения будут такие, каких ещё свет не видывал. Так что пора, брат, сушить сухари да перебираться в Сэров, к канавке преподобного Серафима, где прошла своими стопочками сама Матерь Божия. Преподобному было откровение, что туда Антихрист не пройдёт. Господь не попустит. А ещё в Иерусалиме храм построят, и там будет антихрист сидеть. А взойдёт он туда сквозь Золотые ворота. Их тоже воссоздадут. В Израиль уже и камни завезли, и богослужебные сосуды изготовили. Только вот арабы сильно против — воюют с ними, оттягивают для нас время, чтобы мы могли ещё покаяться во грехах своих!

Тут меня отводит в сторону гривастый чтец Валера, в прошлом —

московский хиппи и диссидент — и начинает менторски, раскатистым басом объяснять, как надо читать заздравные и зауспокойные записки.

— Видишь записки с двумя галочками? Они стоят по червонцу. Не вздумай читать их сам, а сразу передавай настоятелю. Другие, попроще — с одной галочкой или с синей пометкой — давай диаконам. А сам читай всё, что останется! Всё равно это будет целый ворох! Делись с ребятами, а сам старайся пробегать всё глазами по диагонали! А что прочитать не успеешь — перекрести и скажи: «Помяни, Господи, о здравии их же имена Ты веси!» И ещё! Записки могут передавать и через дверь во время службы. Что бы там ни передали, сразу же беги с ними к настоятелю, если он не занят, или же к старшему алтарнику. Внутри могут быть завернуты деньги. Это всё батюшкам. А знаешь почему? Их молитва — благодатна. Наша с тобой — не такая! Небо и земля, вот какая наша с тобой молитва по сравнению с ними, ты понял? Вот люди им и несут. А батюшки иногда с алтарниками делятся. Это, дорогой ты мой человечек, наш дополнительный заработок. Вот так. Ну ты-то, конечно, далеко пойдёшь, да? Тебе все эти подачки ни к чему! Как же, как же! В семинарию поступишь, сан примешь, мы у тебя благословение брать будем! Очень хочешь, да, признавайся? В глазах-то гор-

дынька ох как блеснула! Слушай, а ты случайно не грузин? Фамилия у тебя какая-то нерусская. Да и сам ты на восточного человека смахиваешь. Да ладно, не обижайся! Это я так, к слову!

Открываются Царские врата. Священники выходят на солею, спускаются вниз и выстраиваются в два ряда — по правую и левую сторону от иконы праздника, лежащей на аналое. Дьякон подаёт кадило настоятелю, кланяется, берёт большую свечу, и начинается полное каждение. На клиросе поёт хор из пяти человек. Выделяется профессиональный бас, ему подпевают тенора, звучит контральто. Певчие в большинстве своём молодые люди. Они уже давно акклиматизировались на приходе и подрастеряли чувство благоговения к службе. Часто я слышал хихиканье и шепотки на их пяточке за клиросной иконой, видел, в каких лёгкомысленных одеждах они приходят в храм.

Своими наблюдениями я делился с опытным пожилым чтецом и бывшим фронтовиком Николаем Петровичем Поповичем, к которому изначально почувствовал сердечное расположение:

— Мишенька, ну что ты хочешь?! Это же не церковные люди! Им дана такая редкая возможность — воцерковиться, стать духовными, коснуться Источника воды живой! А они — хи-хи да ха-ха! Понят-

ХРАМ

но, дело молодое, кровь играет! Но какой пример они всем подают? Сплошной соблазн! Как были светскими людьми, так и остались! Куда-то не поступили, где-то не удержались, лишились места — и прибились по блату к храму, чтобы подзаработать! А душа-то отстоит далече! Нет бы посоветоваться, спросить батюшек — как жить дальше, что делать? Куда там — они сами «всё знают»! Служба ещё не кончилась, а все певчие из храма уже гурьбой бегут! Беда! Но не все такие, не думай!

Отец-настоятель кадит народ. Все склонились в поклоне. Певчие продолжают переговариваться. Они знают, что от них многое зависит и что без пения — нет службы. Поэтому уверены, что замечания им не сделают. А и сделают — так сразу же и забудут.

В тишине читается воскресное евангельское зачало. Кто-то закашлялся. Неожиданно закричал на всю церковь младенец. На маму стали оборачиваться, и она поспешно вышла в притвор.

— «Во едину же от суббот, Мария Магдалина прииде, ещё сущи тьме, на гроб...»

И шло повествование о бесстрашных жёнах-мироносицах, которые спешили ранним воскресным утром к погребённому Учителю...

Я слушал слова благовестия, и праздничное, радостное и возвышенное чувство охватывало душу

и высвещало все её уголки. Как это красиво — «жёны-мироносицы»! И «мир», и «мир-ро» — всё в одном удивительном слове. А «текли» жены, то есть бежали, ко гробу, где они найдут одни только свитые погребальные полотна, а Господь уже воскреснет, и не будет Его среди мёртвых. Вот мироносицы заходят в тёмную пещеру, а она — пуста. Женщины оборачиваются и видят позади себя белого ангела, и он спрашивает их:

— Что вы ищете Живого среди мёртвых? Его здесь нет. Он воскрес!

Древний Иерусалим, раннее утро, и уже высохла роса на тёмных оливковых деревьях. И камень отвален от гроба. Ещё нет восхода солнца, ещё заря лишь только продела светлую нить по густому синему горизонту. И не написано ещё ни одной церковной службы — ни Литургии, ни Третьего Часа, ни Девятого. Нет ещё и нас самих — обременённых, изломанных, исстрадавшихся в обстановке безверия людей последних времён, связанных со Христом лишь каноническим текстом Писания, житиями почивших святых да своей немощной молитвой. Но уже кричит петух, возвещая о приближении дня, который изменит всю историю человечества, и люди узнают, что Христос — воскрес и что смерти нет.

Неподвижно раскрыты листья смоковниц. Редящие сумерки с

влажным запахом трав скрадывают торопливые шаги женщин. Мирносицы несут апостолам невыразимую радость, великую веру и светлую надежду. Он, любимый Учитель, воскрес — и не увидит больше никто Его изъязвленного тела, печати смерти на челе, восковую сине-белую бледность Божественного лика...

Через всё рассветное небо пролетела и закатилась за Иудейскую пустыню падающая звезда. Господи, как же хорошо, что не будет отныне скорби и вселенского мрака!..

Закончилось Евангелие, священники гасят свечи. Выключается большое паникадило, и хор начинает предпостовое пение:

— «Множество содеянных мною лютых...»

Сложные мотивы, созвучие голосов, мощный бас. Верующие становятся на колени. Ощущение греховности, стыда за прожитую жизнь сжимает моё сердце, и хочется горько и безутешно плакать. Но вместе с тем и трепетное просветление рождается в душе, и мерцают в сознании слова «Воскрес, воскрес!» О, Боже, если Ты есть Любовь, прости меня и помилуй! Я немощен и ничего не могу без Тебя! Я верю, что Ты есть и что Ты защитишь меня! Кто я такой, Господи, — а Ты помнишь, не забываешь меня! Я чувствую приближение Твоё, и оно такое тихое, как рождение жемчужной росы на краю олив-

кового листа в ночном Гефсиманском саду! Как счастлив я, что Ты извлёк меня из суеты этого тёмного мира, где не было мне никакого пути вперёд, но только лишь одни злые обстоятельства преграждали мои шаги, и многоликий грех, разлитый мертвящим покровом по улицам города, сковывал биение жизни и леденил сердце страшными призраками!

Под сводами храма Твоего стою я и внимаю дивным песнопениям. Как хорошо мне, Господи, рядом с Тобой, и всех я готов простить и не держу ни на кого зла и хочу только одного — чтобы не прерывалась та таинственная и лучезарная благодать, которую Ты изливаешь с небес на людей земли. Сколько тысячелетий прошло, и сколько сменилось поколений — и только Ты неизменен и по-прежнему любвеобилен. Так же, как я сейчас, благодарили Тебя в веках тысячи тысяч уст — и молитвы срывались с губ, горячие и искренние, и трепетали сердца у тех, кого сегодня уже давно нет среди нас: у крестьянки эпохи Возрождения, жавшей в поле, у блаженного африканца Августина из Карфагена, у апостолов, у христиан-мучеников в подвалах Колизея, у византийских императоров, у инока в келье, у женщины из средневековой Фландрии, ожидающей родов, у Пушкина в Михайловском, у рыдающей петербургской прачки, склонившейся над кроваткой

ХРАМ

с умирающим сыном, у царственных страстотерпцев Романовых в Тобольске...

Нет конца молитвенному общению с Тобой! Уходят в Твои обители одни, но тут же рождаются другие, подхватывая их прерванное молитвенное дыхание — и так без конца. Но те, кто был верен Тебе и не отчаялся, не пал духом, не изменил данным Тебе обетам, — те не сгинули, не исчезли, не пропали в царствах Аида! Они упокоились в Отчих недрах Твоих и наслаждаются вечной любовью. Чистой, тихой радостью и светлым блаженством. Там, у Тебя, не может быть скучно и пресно, как утверждают злые и неверующие языки! Мир и покой — что может быть лучше и выше для нас, странников в ночи, утомлённых от болезней и тягот жизненного пути? И я так хочу к Тебе в места небесного упокоения, где не будет больше ни слёз, ни болезней, ни измен, ни печалей. Где душа моя встретится на нивах Божиих с теми, кого я так любил в земные дни свои, кто был близок мне по крови и духу — всех своих родных и близких, всех моих учителей жизни... как же хорошо нам будет всем вместе — там, где нет места ревности и мукам, насилию и пошлости, где Ты навеки изгладил из Книги Бытия всякое торжество зла!..

Я думаю о Тебе как о сокровенном Источнике жизни и связываю с Тобой образы зари, бездонных

звёздных россыпей на небосводе и восхода! Вызывая в сердце чудесные видения заснеженных гор, звонко бьющего из-под земли родника, чистой молитвы, зажжённой свечи из благоуханного пчелиного воска, синих храмовых куполов, я живу Тобой и всей душой и телом ощущаю в Тебе, и только в Тебе, полноту Отцовства и Материнства, Совершенного родительского Начала, в котором я, как счастливый младенец, растворяюсь, растаю как воск и познаю Твою бесконечную любовь и не постыжусь своего смирения и покорности перед мудростью Твоей!..

Исповедь без слов

Прошла зима, и наступил апрель 1988 года.

Чтобы поступить в семинарию, мне нужно было испросить благословение у опытного старца. Но к какому старцу идти? И тут чтец Валера неожиданно предложил мне поехать под Нижний Новгород к своему духовнику отцу Иосифу.

— Не пожалеешь. Я его давно знаю. Это самый старый архимандрит в России. Он всегда был независим от властей. Поэтому к нему до сих пор тянется верующая молодёжь. В прошлом старец сидел. Зовут его отец Иосиф. Ныне здравствующий Патриарх Пимен лично предложил ему стать заместителем Валаамского монастыря, но батюшка отказался. Он предпочитает уе-

динение. Мы к нему ездим раз в три месяца. Он живёт и служит в заброшенной деревне Внуты Нижегородской области, в сельском деревянном храме Успения Пресвятой Богородицы. Во Внутах, кроме двух-трёх соседей-алкашей, больше никого нет. Все разъехались кто куда. Понимаешь? А мы привозим ему продукты. С ним живёт слепая монахиня, мать Варвара, добрая женщина. Последний раз отца Иосифа забрали в 1985 году. За религиозную пропаганду среди молодёжи.

Батюшка — опытный старец. Поговоришь с ним, возьмёшь благословение. Ты же пришёл сюда, чтобы в семинарию поступать? Я тебя правильно понял? Или хочешь всю жизнь простоять у дверей и общаться с бомжами? Что ж, это тоже смиряет. Ведь смирение — это главная цель христианина. А вам, иудеям, это особенно нужно. Ну чего ты сразу глазами-то засверкал? Не обижайся. Я пошутил. Ты простой русский парень Мишако Ходанишвили! Ха-ха-ха!

Это были обычные добрые шутки в стиле Валеры.

На предложение чтеца моё сердце загорелось. Поехать за советом не в соседний район, а за целых 800 километров от Москвы, сойти на каком-то полустанке и часов шесть шагать по лесу до заброшенной деревни выглядело весьма романтично.

С нами вместе на поезд пришла жена Валеры художница Лена, и ещё одна семейная пара. Мы взяли с собой тяжёлые рюкзаки с консервами, бутылки водки и санки. Водка была необходима по той причине, что старец за реставрацию храма расплачивался с рабочими из соседнего села только алкоголем. Больше они ничего у него не брали. Ни денег, ни продуктов. Огненная вода была в тех местах единственной разменной валютой.

— А ты этим, Михаил, не искушайся, — сказал мне Валера. — Старец их не спаивает. Тут действует другой принцип. С паршивой овцы хоть шерсти клок. И для местных жителей это тоже полезно, раз они по-другому не могут. Для спасения души. Хоть и пьют, но зато храм восстанавливают. Как говорится, умрут не зря.

В поезде мы ехали бесконечно долго. Пейзажи за окном были однообразны — снег, тёмные леса, редкие фигуры людей и покосившиеся дома.

Сосед по купе ночью надсадно храпел и сбивал моё романтическое настроение.

Приехали мы на станцию назначения днём, выпрыгнули из вагона — и поезд тут же тронулся с места, набирая скорость. На полустанке с названием Анциферово мы остались одни. Напротив стояло одноэтажное здание заолустного вокзала. Мы купили об-

ХРАМ

ратные билеты, вышли на воздух и направились к заснеженной дороге. Она уходила в лес и терялась в темноте.

Мы шли часа три без остановок. Вокруг возвышались вековые ели, берёзы, крутые сугробы. Быстро смеркалось. Лес выглядел угрюмым, и дорога тянулась за горизонт.

Вдруг сзади показался автобус, и суровый шофёр с непроницаемым лицом открыл нам двери. Обрадованные встречей, мы втащили в салон тяжёлые вещи и быстро проехали оставшийся путь.

— Это по молитвам отца Иосифа! — сказала мне тихо Лена и перекрестилась. — Тут никогда зимой автобусы не ходили!

...Скрипел снег под ногами, между забитых деревенских домов вилась узенькая вытоптанная тропинка. За изгородью высокой избы стоял и смотрел на нас седой старец, с патриаршей бородой и выцветшими глазами. Рукою он гладил огромного рыжего пса, который рычал на нас и скалился.

— Благословите, батюшка! — сказала Лена, и старец, перекрестив её, пригласил всех нас в дом. Видимо, он привык к гостям.

Мы расположились в комнатке, украшенной иконами. На боковой стене — искусно сделанный лес из еловых веточек, бумажные белки; преподобный Серафим Са-

ровский кормит с рук медведя. Над головой святого летают беззаботные птички.

За окнами — густой ельник. Все сучья покрылись коркою прозрачного льда, и лес звенит. Облака — как нескончаемая пелена, как растянутый, низко стелющийся туман.

Тает и капает снег с крыши. К храму поднимается сырая чёрная дорожка. Отец Иосиф — в рубашке и широких штанах, на ногах — сапоги. Ему около девяноста лет. Жизнь его сурова — служба, хозяйство, молитва, короткий сон. Он родился в Туле, после революции был арестован и двадцать восемь лет провёл на Соловках. Потом служил в Вологде, а в последние годы обосновался в этом глухом месте, где лишь одна тишина, суровый быт и ежедневное упование на Бога в заботе о хлебе насущном. Последний раз старца забрали несколько лет назад, мучили, надевали, по его собственным словам, обруч на голову.

— Ты — антисоветчик! — заявили ему при обыске.

«Ширяли везде штырями», «сбили образа на пол», «набежали в алтарь». Выпили весь «Кагор», предназначенный для Евхаристии.

После освобождения отец Иосиф долгое время «ходил по стеночке».

Мы приехали к нему под воскресенье, накануне всенощной, и скоро должна была начаться служ-

ба. Все личные разговоры были отложены на вечер.

Храм находился на горе. Вокруг него в сумерках виднелся погост. Над старыми могилами нависли столетние ели. Их раскидистые лапы скрывали от глаз покосившиеся кресты и надгробия.

Внутри было натоплено. Отец Иосиф сам следил за храмом — помощников не было. Разве что случайные приезжие. С помощью двух печей он поддерживал тепло для проведения службы, там же пылающим углём от березы заправлял кадило. Повсюду горели лампы. Над престолом в алтаре — тёмная бархатная сень, сквозь окна ещё заметны уходящие за горизонт лесные холмы.

За всенощной я читал на клиросе, подпевал вместе с батюшкой на каноне. Обстановка располагала к созерцанию и просветлённым мыслям. На многие километры вокруг не было человеческого жилья, а церковь работала, мерцали огоньки перед глазами, курился в кадиле ладан, и возносились песнопения.

Во время первого часа отец Иосиф вышел на исповедь. После положенных иерейских молитв он обратился к нам с краткой проповедью:

— Пусть сердце подскажет вам, в чём надо каяться. Все мы — грешники, но слёз у нас нет, и плакать мы не умеем. Будем же просить у Бога прощения, чтобы Он растопил наши сердца, затверде-

вшие в окамененном нечувствии! А сейчас вспоминайте свои грехи, мысленно произносите их пред Господом — так, будто нынешний вечер — последний в вашей земной жизни...

Суровый и величественный вид батюшки — в митре, в облачении, с сияющим наперсным крестом поразил меня. Перед нами стоял старец, исполненный духовной силы и красоты. Худощавый и высокий, перенёсший жестокие испытания в долгой неволе, он смотрел на нас со строгостью и состраданием. И за его плечами невидимо представала вся прожитая им тяжкая жизнь — лагерь, лишения, побои.

Наша молчаливая исповедь длилась долго. Мы стояли, вспоминали прошлое, переживали заново свои падения. Потом наступил момент, и мы начали буквально рыдать, и от слёз на душе было такое очищение, подобное которому я не испытывал нигде и никогда — ни прежде, ни после.

Я подошёл под разрешительную молитву. Старец накрыл меня епитрахилью, и я почувствовал, как голову мою пронизала какая-то дивная свежесть, и стало легко, удивительно легко на душе...

За трапезой отец Иосиф говорил нам горькие слова:

— Продолжается развращение, всеобщее отступление от Бога. Скоро наступит время, когда оставшихся

ХРАМ

верующих объявят сумасшедшими за то, что они не участвуют в общем пороке. Из всех религий сделают одну. Она объявит грех нормой и освятит разврат. На места совестливых священников поставят приспособленцев. Они окончательно извратят веру. Если народ за ними пойдёт, то не будет ему уже никакого спасения. Нам сейчас Патриарх нужен такой, как Тихон! Вот был духовный вождь! Тогда, может быть, ещё будет дело. А нынешний — всё выжидает! Разве ж так можно? Ни рыба ни мясо!»

На мою просьбу благословить меня на поступление в семинарию и принять в дальнейшем священный сан он ответил:

— Господь да благословит тебя на всякое дело благое! Поступай, а там видно будет!

Я встал на колени, и он осенил меня крестным знаменем.

После обеда мы тепло попрощались со старцем и пошли обратно на станцию. Дорога назад была лёгкой, а настроение — хорошим и солнечным.

Приехав в Москву, я в течение нескольких дней ощущал себя обновлённым.

Поездка в лавру

Отец Владимир, выслушав мой рассказ об отце Иосифе, задумчиво сказал:

— Что ж, хорошо сделал, что съездил. Но вот тебе мой совет:

испроси-ка благословение ещё и у старцев из Троице-Сергиевой лавры. Они всё-таки люди более известные.

Что ж, приказ есть приказ, и я поехал в лавру.

Поезд шёл в Загорск почти полтора часа. Останавливался на всех станциях, гудел, дёргал сцеплениями. Несколько раз кто-то пытался сорвать стоп-кран.

В вагоне ехало много верующих. Их можно было узнать по особым выражениям на лицах. Мужчины отличались суровым взглядом, имели длинные волосы и бороду. Одежда их оставляла желать лучшего — толстовки, безразмерные штаны. На кронштейнах висели их нехитрые пожитки — мешки, сумки. В руках — духовные книги, молитвословы. Верующие женщины делились на два типа — старых, в платках, шапках, в роговых очках, — и молодых, с чистым взглядом, бледным лицом и внутренней сосредоточенностью.

На каждой остановке подсаживались пролетарии, легко узнавали друг друга, кучковались и начинали резаться в карты. Дети смотрели в окна и на карточный мат-перемат внешне не реагировали. Но в своих маленьких душах, наверное, складывали всё сказанное в уголки памяти — до поры до времени. А за окнами светило солнце, мелькали перелески, какие-то дома, открывались и медленно проплывали по

ходу поезда просторы полей и равнин. Вот пролетела наискось быстрая чёрная птица. В синей вышине растворился белый след самолёта.

На стекле шевелила крылышка муха. Потом она поползла куда-то вверх, взлетела — и села на рукав рясы благообразного батюшки. Тот увидел её и недовольно дёрнул рукой.

Заплакал ребёнок. Поезд медленно подходил к конечной станции.

На предпоследней остановке в вагон вошёл развязный продавец газет и, никого не спрашивая, стал пересказывать содержание «Московского комсомольца». Голос его звучал менторски, надменно, и все сидевшие в вагоне притихли — кто с покорностью, кто с недовольством. Действительно, почему эти газетчики и книгоноши считают себя вправе врываться в нашу личную жизнь и производить там кавардак? По сути, он просто мелкий амбициозный хам. Просто нагл, и хочет на нас заработать. Но наверное, похожий принцип существует везде. Чтобы получить власть и «место под солнцем», надо непременно плевать и орать, обманывать и угрожать, презирать и ненавидеть.

Вдруг голос торговца смолк и раздался перелив гармонии. Из тамбура к нам шагнул пьяный мужичок и запел:

«Куда ведёшь, дорожка милая,
Куда ведёшь, куда зовёшь?..»

И таким задушевым вдруг повеяло и от этого мужичка, и от песни, что все в вагоне растаяли, лица людей просветлели, и некоторые женщины прослезились. Может, вспомнили что-то далёкое, юное и безвозвратное?

И моё сердце тоже сжалось. Я подумал: вот мимо меня проходит моя Россия, которую уже не вернуть...

Показался вокзал. Ларьки, оглушительная музыка и разбитной женский голос, истошно кричавший:

«А я люблю военных, красивых, здоровенных,

Ещё люблю крутых и всяких деловых!»

Нищие толпились около туалета. Батюшка в чёрной рясе и в камилавке размашистым шагом шёл сквозь вокзальную суету. За ним поспешали две монахини.

Вороны ходили вразвалочку по тротуару и склевывали кем-то брошенный хлеб.

В лавру вела улица с домами в два ряда. Она шла с наклоном вниз. Звуки шагов эхом отдавались в пространстве. Листва только-только начала распускаться, и апрельские запахи волновали сердце ожиданием таинственного чуда.

За домами простучала колёсами электричка. Моей головы коснулись набухшие почки с наклонившейся ветки тополя. За поворотом показались золотые и синие купола Троице-Сергиевой лавры,

ХРАМ

духовного центра русского православия.

Перед входом в лавру на площади — толпа нищих. Они дёргают тебя, подсылают золотушных детей, требуют милостыни, ругаются матом. Среди них — пришлые монахи и священники с коробами на груди, тоже просят. На скамейках пьяные — бомжи, они глядят заносчиво, в их глазах — кондовая проза жизни. Позже я удивлялся, почему лавра совершенно не действует на них положительно? Но позже понял — так удивляться можно и революциям, и убийству. Всё это — греховные аномалии, не подлежащие здравому осмыслению.

На территории монастыря царил порядок, всё было убрано, вскопано и выметено. Около алтарной части Духовской церкви — несколько надгробий, между ними — нежная зелёная трава. Богомольцы спешат взять святую воду из кладезя в часовне напротив колокольни, направляются в Свято-Троицкую церковь, где покоятся честные мощи преподобного Сергия Радонежского. Внутри древнего храма — треск свечей, приглушённые звуки людской речи. Хор поёт акафист:

— Радуйся преподобный отче Сергие, скорый помощнике и преславный чудотворче!

Иеромонах перед ракой читает записки о здравии, потом берёт в руки Евангелие: «При-идите ко Мне, все труждающиеся и обре-

менные, и Аз упокою вы...» Дивно и сладко было мне слышать эти слова. Казалось, что рядом со мной невидимо стоит сам Христос, исполненный силы, славы и любви к нам, недостойным.

На иконостасе, тёмном и бликующе-золотом, образы, потемневшие от времени. Некоторые из них писал преподобный Андрей Рублёв, ученик Сергия. Перед подъёмом в три ступени к раке — очередь, но она быстро проходит. Справа — большой подсвечник — там лес свечей самой разной величины. Все хотят поставить свечи поближе к Преподобному. На солее надо трижды перекреститься и трижды же совершить земной поклон. Потом все подходят к раке и с благоговением три раза прикладываются к её поверхности, движутся к спуску. Некоторые успевают взять благословение ещё и у читающего батюшки. А внизу, у колонны, стоят молящиеся и наблюдают, как мерцает огонь в разноцветных лампадах над ракой великого святого Древней Руси.

Отец Наум

Чтобы попасть к отцу Науму, — он принимал в братском корпусе лавры, нужно было пройти сквозь проходную. Там сидел бородатый страж с тусклыми глазами. Ему, вероятно, давно уже все примелькались. Народу к старцам приезжало великое множество. С разных кон-

цов России сюда ехали верующие со своим горем и самыми разными проблемами. Большею частью это были простые люди, нередко полуграмотные. Но попадались посетители и с высшим образованием.

В предбаннике, где располагалась келия старца, было душно. Кто стоял, кто сидел. В углу какой-то худой человек истово читал псалтирь и помянник. Между стоявшими находились и батюшки из далёких приходов. Преобладали женщины.

Обстановка была напряжённой, все ждали своей очереди. За дверью отца Наума решались судьбы, давались ответы на жизненные и духовные вопросы. Он был опытным духовником, по характеру-человек-практик, с суровым началом и немногословный.

Однако на приём к отцу Науму я не попал. Старец, видимо, по внутреннему наитию вызывал к себе тех, кто более всего в нём нуждался. Несколько раз вплотную подходила моя очередь, но отец Наум меня упорно не замечал, быстро проходил мимо и приглашал кого-то другого. Может, игнорирование маститым старцем моей персоны было вызвано тем, что я пожаловал в лавру в костюме и с галстуком — и он меня смирял. Но, помню, расстроился я тогда здорово и воспринял случившееся как дурное предзнаменование. Раз старец не принимает, значит, точно, почувал во мне

что-то неладное. Увидел мои грехи, прозрел греховную сущность. Что делать?..

На следующий день я вновь приехал из Москвы в лавру к отцу Науму. И опять безрезультатно. То же самое повторилось и на третий день. На проходной меня уже узнавали. Тот же дежурный высунулся из будки и с сочувствием сказал:

— Не расстраивайся! Здесь таких, как ты, воз и маленькая тележка! Некоторые по пятьдесят раз приезжают — и всё без толку. Ну и что? Народу у батюшки — не продохнуть! Терпи! Если действительно надо — примет! А не примет — значит, на то Божья воля! Вот так!

В келье лейтенанта Павлова

В свой заключительный визит я не сумел проникнуть к отцу Науму даже в предбанник. Народ теснился на улице и молчаливой очередью огибал здание корпуса, теряясь за углом. Простояв почти полдня, я понял, что отцу Науму, наверняка уже выделившему меня намётанным глазом, я пришёлся не по душе.

«А пойду-ка я к отцу Кириллу! — вдруг подумал я. — Чем он хуже батюшки Наума? Может, там очередь меньше?»

На улице грело весеннее солнце. Асфальт был влажным, и по его бордюру пробивалась зелёная трава. Грузовая машина с продуктами стояла в глубине корпуса. Её раз-

ХРАМ

гружали два молодых послушника. Раздался колокольный звон, и стая белых голубей стремительно облетела монастырь.

Келья отца Кирилла находилась на втором этаже соседнего здания. Перед окном старца кто-то подвесил кормушку — и множество птиц с щебетом летало вокруг окна, требуя хлеба. Отец Кирилл, по слухам, был тот самый герой Отечественной войны, легендарный лейтенант Павлов, который до конца отстреливался в знаменитом доме Павлова в Сталинграде. Выжив, он дал обет Богу стать священником. Видимо, подлинный переворот произошёл в его душе в те грозные военные годы. А может, он вырос в верующей семье, и по жизни его вела молитва матери. . . . В те годы это случалось часто. Так или иначе он исполнил принятое решение, принял сан, а через некоторое время — иноческий постриг.

Его земным приютом стала лавра. Незлобивость отца Кирилла, умение сострадать человеку и общая расположенность к нему со стороны братии привели к тому, что иеромонаха возвели в чин архимандрита и сделали духовником обители. Впоследствии, в 90-х годах, он исповедовал и Святейшего Патриарха Алексия II.

На исповедь к нему ходило много семинаристов. Его действительно любили. Сухощавый, с длинной раздвоенной седой бородой и добрыми

уставшими глазами, он умел успокаивать людей самыми простыми словами, но звучали они у него всегда весомо и сильно. Замечено, кстати, что народ часто предпочитает слушать не высокоумного богослова с эрудицией и богатым словарным запасом, а простого и любвеобильного священника, подчас даже без всякого семинарского образования. Почему? Да потому, что люди внутренне чувствуют, где и у кого скрыта подлинная любовь к ближнему. Этим прежде всего ценен любой священник и вообще христианин. Позже я наблюдал это на себе — говоришь с людьми, витийствуешь, нанизываешь богословские фразы, а народ зевает и смотрит по сторонам. И не верит тебе ни на грош. А к другому, немудрёному батюшке бегут толпами — а он и говорит-то с ошибками. Не хочу оправдывать ни невежество, ни неграмотность некоторых священнослужителей. Но всё-таки встречаются среди них люди совершенно от сохи, без всякого образования, а скажут тебе слово и ты бросишь всё и пойдёшь за ними. А за умным, интеллектуальным и всезнающим не пойдёшь ни за какие коврижки. Ибо у одного ты чувствуешь великое любящее сердце, а у другого — высокомерие, гордыню и полное «отсутствие присутствия». Таким христианином сердца был и отец Кирилл, в миру Герой Советского Союза. Правда, сам он никогда не подтверждал этот слух.

Но мы приписывали это его личной скромности.

...Я прохожу в дверной проём, и меня окружает прохладный полумрак. Поднимаюсь на второй этаж. Скрипит лестница, по стенкам аккуратно развешаны иконы. Меня окружает тишина. В коридоре тикают напольные часы с противовесями. Высокий келейник с бородой и в подряснике уточняет цель моего прихода.

— Отец архимандрит пока у себя. Но скоро он уйдёт на трапезу.

— Может, успею?

— Помоги тебе Господь!

Перед дверью старца-три человека. Они как-то моментально входят и выходят. По очереди.

— Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!

— Аминь! — слышу я в ответ. Это значит, можно заходить.

Я открываю дверь. И вижу — ослепительный свет от огромного серебряного оклада на стене. Там — икона Божией Матери. Вся келья залита солнечными лучами. За окном прицепились лапками за кормушку маленькие птицы. Берёза качает тонкими ветками и склоняет нежные листочки на чистое стекло.

В келье — тонкий запах ладана, пол деревянный, со скрипом. У изголовья дивана — иконостас, сбоку-небольшой шкаф.

В центре комнаты — аналой с Крестом и Евангелием. Рядом стоит

отец Кирилл. У него немного вытянутое лицо, по пропорциям даже, скорее, некрасивое, но духовно прекрасное. От батюшки исходит внутренний покой. Он терпеливо смотрит на меня и взглядом пытается понять моё настроение, снять пелену с моих нехитрых тайн.

Я подхожу под благословение и сбивчиво излагаю свою просьбу. Он внимательно слушает и улыбается.

— Ну что ж, желание хорошее! Да... Но сначала надо исповедаться!

Старец встал около аналая и начал читать чинопоследование исповеди.

Окончив чтение, он повернулся ко мне. Я встал на колени и рассказал ему о всей своей подноготной. Трудно мне было говорить о прошлых богомерзких грехах, но я пересиливал себя и думал — вот пусть будет что будет... К чему скрывать? От Бога всё равно ничего не утаишь...

Отец Кирилл покрыл мою голову епитрахилью и прочитал разрешительную молитву.

— Поступай в семинарию! А там видно будет. Господь да простит тебе заблуждения юности.

Как же я был благодарен ему за доброе ко мне отношение! Поцеловав руку старца, я попрощался с ним и вышел на улицу. Птички попрежнему висели на его окне, и берёза белела в палисаднике. У крыльца

ХРАМ

стояли двое — иеромонах с чёрной окладистой бородой и послушник. Они тихо общались между собой, и я подумал: вот передо мной заветный мир, где нет ничего случайного. Здесь произносятся нужные спасительные слова, совершаются дела любви и благочестия, и жизнь насельников соприкасается в благословенной вечности...

За стенами монастыря ясным погожим днём пел соловей. В безоблачном синем небе разливалось тихое сияние. Луч солнца ласкал лужи под ногами, и крыши братского корпуса бросали короткие тени на дышащую весеннюю землю.

И опять раздались мерные удары колокола на лаврской колокольне, увенчанной золотой короной.